

Юрий Меркеев

Золотая Дльза

*повесть о детстве
маленького волшебника*

Юрий Меркеев

**Золотая Эльза. Повесть о детстве
маленького волшебника**

«Издательские решения»

Меркеев Ю. В.

Золотая Эльза. Повесть о детстве маленького волшебника /
Ю. В. Меркеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834636-1

Повесть написана в жанре магического реализма. Это история волшебства, которое свойственно возрасту ангельскому, который во все верит, на все надеется. Для чистого сердца мир превращается в сказку. Но наступает момент, когда «взрослость» начинает тянуть в мир своих сказок — со своей мрачностью. У маленького волшебника есть спасительница — кошка... заколдованная золотоволосая принцесса, кочующая из одной реальности в другую. Она спасает героя, когда ему очень плохо. Повесть о первой влюбленности.

ISBN 978-5-44-834636-1

© Меркеев Ю. В.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Золотая Эльза

Повесть о детстве маленького волшебника

Юрий Валентинович Меркеев

© Юрий Валентинович Меркеев, 2017

ISBN 978-5-4483-4636-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Сколько помню себя, рос я в атмосфере сказок. Мама читала мне на ночь волшебные истории, под которые я засыпал. Сказки переходили во сны, сны переходили в сказки, волшебство растворялось в моей крови, омывало дремлющий мозг и подпитывало по-детски романтическое сердце. Возраст ангельский всему верит, на все надеется, все прощает и принимает, как свое.

Отец подолгу находился в морских рейсах, поэтому воспитанием моим занималась мама и старший брат Дима. Впрочем, усваивал и впитывал я больше то, что шло с добрым словом и интонациями любви. А это исходило больше от мамы.

Напетые ласковым голосом сказки преображали мой внутренний мир, будили воображение, воскрешали сны, которые впоследствии превращались в новые реальности. Я жил до семи-восьми лет в мире, в котором вымысел так тесно существовал рядом с реальностью, что хватало одного воображаемого толчка, чтобы окунуться в волшебство и раствориться в нем.

Одно мгновение – и я уже был не тихим задумчивым темноволосым Андрейкой из Калининграда, а одним из смелых и дерзких мальчишек таинственного средневекового города Гамельтона, откуда крысолов чарующими звуками волшебной дудочки уводил сначала крыс, а потом всех детей в страну, где царил *праздник непослушания*. Воображение наделяло эту страну сказочными персонажами. Одних я боялся, с другими дружил. В моем сказочном мире были прекрасные принцессы в образе рыжих ласковых кошек, королевы-оборотни, роскошные принцы, защитники рыцарской чести. Были благородные разбойники – подобие Робин Гуда. Не только *свет* был в моих сказках, но и силы *тьмы*, которые возглавляла главная крысиная королева, мама всех крыс, бабушка всех несчастий и болезней, огромная бурая Графиня, которая одним видом своим гипнотически воздействовала на меня, повергая в ужас, и сны обрывались кошмарами, а я просыпался в холодном поту.

Город, в котором я родился, нес в себе дух волшебства. Гротескные персонажи могли существовать только в настроении мрачного Кенигсберга с множеством устремленных в небо готических шпилей старинных кирх, аккуратных мощеных улочек и площадей, где по ночам собирались и плакали призраки ведьм, колдунов, еретиков-ученых, алхимиков разных мастей, которых во времена инквизиции предавали огню «к вящей славе Божьей». Их плач был обращен в прошлое, а носился над сегодняшним городом воющими балтийскими муссонными ветрами. Прошлое слышалось в ночных шорохах, которые могли распознать лишь дети. Временами старые кирхи, построенные не на фундаменте из камня, а только на горячей пламенной вере, взлетали к небесам, к которым были устремлены, и тогда в городе слышались стоны грешников, которых не обняло *безземельное Небо*.

Старая черная река П. дважды в год «вспухала» и отравляла миазмами горожан. Кто был мудрее, тот знал, что на Рождество и Пасху со дна пытаются встать истлевшие тела брошенных туда когда-то злодеев и разбойников, и выйти раньше времени на Суд Страха. И ведьм, которых проверяли не огнем костров, а бросанием их в воду. Если молоденькая рыжая красавица с зелеными глазами, на которую донес толстый бюргер-сосед, не тонула, значит, она объявлялась ведьмой, и ее сжигали на костре. Если тонула, тогда Церковь признавала за собой ошибку и молилась за душу праведницы, безвинно пострадавшей ради Христа и получившей на Небе венец святой мученицы. Бюргер-доносчик оставался неузнанным, потому что в инквизиторский ящичек для писем – «уста правды» – разрешалось бросать анонимки. Незнанными оставались и причины, по которым донес: молоденькая гордая красавица отказала ему в любовных утехах – она, женщина с явными признаками ведьмы; слишком независимая, слишком красивая, с волосами цвета золотистой моркови и глазами, похожими на сверкающий малахит.

Город был старинным для новых сказок, однако напитывал фантазии детей новыми волшебными историями.

Вход в мои сказки для других был открыт, но Дима всегда посмеивался надо мной, называя чудачком и мечтателем. И никогда не приходил в мои сказки. В них жили мои друзья по детскому садiku, девочки, к которым я испытывал первые вполночь влюбленностей – наивное и чистое чувство, превращавшее рыженьких улыбчивых девчонок в принцесс. Почему-то золото всех сказок в первую очередь оказывалось не на коронах, а в цвете волос. Не знаю, почему это происходило. Возможно, потому, что почти все принцессы и королевы из сказок были с золотистыми кудрями. Возможно, по другим причинам. У мамы цвет волос был каштановый. Наша домашняя любимица-кошка Эльза была *рыжая*. И появилась она у нас в сказочно прекрасное время года – осенью, когда природа россыпями бросает золотые монетки тем, кто может их увидеть и собрать. Ангельский возраст. Всему верит, на все надеется. Я верил в то, что древние колдуны-алхимики могли переплавлять свинец в золото, а с осенних кленовых листьев можно собирать золотую пыльцу. Воображение позволяло мне быть богатым, но я ничего не хотел покупать на свое золото. Оно было драгоценно для меня тем, что пронизывало и связывало между собой многие реальности: цвет волос сказочных принцесс и реальных персонажей моих первых влюбленностей, мою дорогую Эльзу и чудесную осеннюю пору.

Иногда проникновение в сказку было так велико, что мои герои в ней начинали разговаривать, и я превращался одновременно в персонажа и в творца. Это волшебное слияние реального «я» и воображаемого впервые поразило меня в темном и мрачном подвале дома, где мы, дворовые мальчишки, играли в рискованную игру под названием «минное поле». И тогда же, в октябре, когда весь город засыпало золотом, случилась необыкновенная встреча с волшебной Эльзой, которая оказалась не просто одичавшей кошечкой, а заколдованной девушкой, кочующей из одной реальности в другую с помощью снов. В этом осеннем сне она была моей спасительницей. Пожертвовала собой ради обычного мальчика. Впрочем, *там*, в сказке, ставшей реальностью, она назвала меня иначе. *Волшебник*. В мире сказок ничему не удивляешься.

Эльза появлялась в моей жизни потом не раз. Ее и звали иначе, и возраст, и пересечение во времени всегда были разными, однако ее память была острее моей, и в какой-то момент нашей близкой дружбы, а иногда, чудесной влюбленности, она вдруг произносила как бы мельком фразу, которая вновь превращала меня из юноши, молодого человека, мужчины в *маленького волшебника*. Она говорила тихим голосом: «А помнишь ты рыжую кошку из своего детства? Мне часто снится, что я когда-то была именно ей». И я понимал, что в этом сумасшествии скрывалась какая-то тайна – приятная тайна возраста ангельского. В самом деле, те прекрасные девушки и женщины, в которых я влюблялся впоследствии, чем-то напоминали кошек... и непременно с золотистым окрасом волос – цветом красного янтаря, отшлифованного волнами поколений. И непременно с глазами яркими, голубовато-зелеными, как эфиопский опал, внутри которого застыло целое море, точь-в-точь, как у моей спасительницы из детства. И непременно с улыбкой на нежных губах. У меня возникало всякий раз сказочное ощущение того, что я влюблялся в одну и ту же принцессу, которая кочевала по реальностям с помощью тайного средневекового волшебства. Грешным делом мне иногда приходила мысль в голову, что те казненные инквизицией девушки, которым не посчастливилось родиться красавицами с зелеными глазами и рыженькими кудряшками, были одной и той же Эльзой, которая появлялась в моей жизни в самые трагические и опасные мгновения. Конечно, я не говорил ей, что знаю о ее перемещениях в реальностях, потому что она, кажется, до сих пор панически боялась оказаться на костре и всегда очень тонко чувствовала, когда я сержусь на что-то. Бывало так, что Эльза просыпалась в тревоге и прижималась ко мне, ища защиты и покровительства, а потом вдруг вскакивала резко, как испуганная кошка, увидевшая призрака, присаживалась напротив меня с распущенными рыжими локонами и горящими глазами, прожигала меня страдающим взглядом и спрашивала, не сердился ли я на нее? И я отводил

глаза, потому что попадание ее было точно в сердце. Да. Иногда бывало, что я сердился на нее, на себя. На себя сердился, потому что сердился на нее. Это происходило в моменты, когда мой ум отрывался от сердца и начинал требовательно идти по прямой, когда сердце кружило по орбите вселенной. И она всегда чувствовала это каким-то звериным чутьем, отстранялась от меня, плакала и твердила, что ей опять снится один и тот же сон, в котором ее привязывают к столбу для костра инквизиции – ее, не повинную ни в чем, кроме отказа совершить блуд с толстым и важным соседом-бюргером. А я в ее сне, вместо того, чтобы броситься на защиту, стоял с потухшим взглядом в толпе зевак и прятал свою совесть в глупенькую одобрительную улыбку церковного благочестия. И был, как все. Это я! Маленький растерянный волшебник. Оказывался человеком толпы, одним из тех, кто во всеобщем хоре страха иметь свободу, славил тирана, потому что он позволил всякому желающему выбросить свободу на свалку, как слишком тяжелую ношу, и принять от него дар быть как все. Сладкая улыбка церковного благочестия. Молчаливое одобрение казни всех своенравных, осмелившихся оставить в душе личную свободу.

Когда я понимал, что Эльза может покинуть меня навсегда из-за моего малодушия, я менялся. Изгонял из себя мысли, разрывающие кровную связь ума и сердца, и они начинали работать сообща, и я сам чувствовал, как оживаю, наполняюсь волшебством, как оживает моя любимая Эльза.

Как горячи были наши *встречи без расставания!* Она преображалась. Ей начинали приходиться другие сны, изгоняя тревогу. В этих снах я был рыцарем, благородным разбойником, алхимиком, который спасает осужденную на казнь. Самыми разными путями. Но *спасает*. Был даже сон, где я забираюсь на крышу городской ратуши, и стреляю оттуда из лука стрелой в сердце своей возлюбленной для того, чтобы спасти от мучительного огня, который уже прикоснулся к ее платью. Разные были у Эльзы сны. Чаще те, в которых мы вместе ходили по небесной радуге, держась за руки, как дети. Во время таких горячих встреч наша любовь пылала с такой силой, что лампочки лопались в подъезде, и солнце вставало за окнами вместо луны, и птицы пели на улице в любое время года, а в душах звенели колокольчики. Счастье. Персональный рай.

2

В детстве все самые рискованные игры проходили либо на чердаке, либо в подвале, либо на покатою шиферной крыше. Старинный немецкий дом был четырехэтажный, широкий, с высокими перекрытиями, просторным чердаком и подвалом, проходящими по всей длине дома прохладными темными мрачными тоннелями. В подвале всегда было темно, таинственным образом пропадали лампочки, – возможно, поэтому его считали самым мрачным местом в доме. Подземельем, где водились крысы и привидения. Взрослые боязливо входили туда с фонариками, а мы, дети, испытывая, порой, мистический ужас, осторожно продвигались вглубь со спичками или с бенгальским огнем. Стены подземелья были влажными, красный кирпич придавал зловещий оттенок в тех местах, где сквозь стену просачивалась вода из прогнивших труб. В свете зажженной спички казалось, будто из стен сочится кровь замурованных призраков. Истории, рассказываемые о привидениях, живущих в подвале, передавались таинственным шепотом и нагоняли ужас даже на старожилов дома.

Привидения там точно водились. Потому как новые лампочки исчезали в первую же ночь. Или лопались, взрывались. Но чаще просто исчезали, как будто и не ставились вовсе. Как можно было объяснить эту загадку? Только наличием жителей подземелья, для которых свет был противен до боли.

Мне было пять лет – возраст, в котором страх еще не торжествует над наивной бравадой детства. Поэтому я принимал участие почти во всех мальчишеских играх нашего дома. А игры эти, надо сказать, были не безопасны. Одна из них называлась «минное поле». Суть ее заключалась в том, что игроку давалась всего одна спичка с коробком, и он должен был практически на ощупь пройти из одного конца дома до другого через темный подвал, в котором предварительно были разложены «ловушки-мины» в виде металлических обручей от бочек. Если игрок вслепую наступал на обруч, то «мина взрывалась», и острый край, как нож, врезался в ногу в районе голени – все равно, что наступить на грабли, – и после одного-двух «разминирований» игрок превращался в «раненного бойца», как минимум, с распухшей зашибленной коленкой. Можно было воспользоваться спичкой, но она давала некое подобие видимости пространства лишь на пять метров вперед, а потом начинала обжигать пальцы, и тогда игрок погружался в еще более кромешную тьму, поскольку глаза его на мгновение побаловались светом. Обручей-мин по пути было не меньше десятка. Шанс пройти мимо был невелик, а потому торжество победившего и себя, и свой страх, и других игроков дворовой команды было подобно счастью. Действительно, счастливым иногда называют того, кто просто избежал несчастья. Особенно, когда испытываешься во тьме, вслепую, надеясь исключительно на случай.

Как-то раз в воскресенье мальчишки постарше решили сыграть в «минное поле», и жребий идти *первым* выпал мне.

Перед игрой я успел приласкать и угостить лакомством рыжую Эльзу, дикую подвальную кошку, которую пытался приручить. Она в то утро была как-то особенно нежна со мной, будто почувствовала надвигающуюся опасность. Эльза крутилась около меня, будто я уже был ее хозяином: выгибала спинку, терлась о колени, вставала на задние лапки, как бы спрашивая разрешения забраться ко мне на руки. Такого проявленного чувства любви ко мне раньше кошка не выказывала. Ласкаясь, она была всегда настороже, и чуть слышала чужой голос или мое неосторожное движение, моментально исчезала в подвальном оконце.

Принимая от Гоши Забродина спичку с коробком, я подумал о том, что мне бы очень пригодился сейчас *кошачий глаз*, чтобы видеть в темноте так, как видят кошки. Оставалось уповать на чутье, которое не раз выручало меня в опасных ситуациях, и на чудо. Сны уже давно обочивались реальностью, и когда я не допускал в себя страх, я становился волшебником. Когда

я шел через «минное поле» сказочным персонажем – благородным разбойником, принцем или мудрым алхимиком, то ни разу не попадался под удар металлического обруча. Но стоило мне впустить в себя страх, как я мигом отравлялся им, оказывался в ловушке; «мина» резко била меня под коленную чашечку, и я стискивал зубы от сильной и острой боли. Обычно на выходе из подземелья я уже прихрамывал, если попадался под «взрыв» хотя бы одной ловушки. А если двух или трех?... Бррррр! По одному и тому же месту. Железом. Острым краем обруча. Игра поистине стоила мальчишеских слез. И счастья пройти «минное поле» без ранения.

Но даже не ловушки-мины были для игрока самым страшным испытанием. Все знали, что в подвале обитают привидения и крысы. Причем, Бродяга, наш вожак по уличным играм, всерьез рассказывал о том, что он не один раз видел в подвале призрак какого-то человека в черном плаще и шляпе, и крысу огромных размеров. Крысиную королеву, которая была единственной фигурой на весь город. Толстую бесстрашную крысиную бабушку, которую, по слухам, боялись даже крысолоры-коты. Когда мы с братом ходили в подвал со свечкой, я видел сверкающие крысиные глазки, которые тут же растворялись в полутьме, стоило нам приблизиться. Это были обыкновенные крысы. Крысиную королеву не видел никто, кроме деда Василия, который не раз рассказывал нам о ее наглости. А про существование черного человека знали и взрослые. Так и говорили иногда после таинственного исчезновения лампочек или пропажи из частных подвальных картошки или банок с соленьями при нетронутых замках, что это дело рук *черного человека*.

*** **

Когдаходишь в подвал с дневного света, то в первое мгновение чудится, будто проваливаешься в черный колодезь. Не видно ни зги. Проходишь несколько шагов на ощупь по ступеньке, а стена холодная, кирпичная, с вековыми выбоинами и щербинками, покрытыми какой-то слизью. И, кажется, что спускаешься не в подвал, а в самый ад, в котором живут черти и привидения. Страх нет, но поджилки трясутся, потому что не знаешь, что тебя ожидает впереди. Греет лишь понимание, что у тебя есть одна спичка, которую можно зажечь в самый критический момент. И волшебство, которое не оставит тебя в тяжелые мгновения.

Две-три минуты глаза привыкают к темноте, и становится не так страшно. Иногда сразу мерещатся видимые очертания прохода. Вероятно, это какой-то самообман, внушение, а может быть, и в самом деле от сильного нервного напряжения включается тот самый желанный *кошачий глаз*, – объяснить трудно. Велико желание что-то увидеть. А когда велико желание, помогает волшебство. Можно и на время стать подвальным котом, не только благородным разбойником или мудрым алхимиком. Можно переплавить страх в магию, заставить его работать на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.